«Для Отчизны дорогой...»

ЗАТЕЕВ
НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

В 1938 году, закончив 7 классов Вятской средней школы, Затеев Николай Иванович поступил учиться в Чухломской зооветеринарный техникум, который закончить не довелось. Родители не в состоянии были учить двоих сыновей и написали Николаю, чтобы возвращался домой.

Были у Николая Ивановича и другие планы на жизнь, но их расстроила война.

17-летним безусым мальчишкой ушел он добровольцем на фронт, потому что не мог быть в стороне, когда Родина в опасности!

И сейчас даже трудно представить, что этот скромный человек, интеллигентный, большую часть своей жизни проработавший преподавателем в Вятском сельском профессиональном училище, так много повидал на своем веку. И прошел по военным дорогам от соседней Калининской области до Берлина.

Отправлялся на фронт из Москвы, пока шли, пели песню:

Прощай, прощай, Москва моя родная,
На бой с врагами уезжаю я.
Прости, прощай, подруга дорогая,
Пиши мне письма, милая моя.

«Для Отчизны дорогой...»

Не надо слез и грусти в час разлуки,
Домой я вернусь, когда врага побьем
Тогда опять пожмем друг другу руки,
Счастливой жизнью вновь мы заживем.

В бою суровом, в грохоте разрывов,
Когда кругом дрожит все от огня,
Тогда я вспомню о тебе любимой,
Твоя улыбка ободрит меня.

Не забывай, подруга дорогая,
Про наши встречи, клятвы и мечты
Расстаемся мы теперь,
Но, милая, поверь,
Дороги наши встретятся в пути.”

В этих бесхитростных, наспех написанных строчках, звучит трепетное нежное чувство к тому, что олицетворяло Родину: Москва, дом, любимая. Поистине славен боевой путь Николая Ивановича: Калининский фронт: г. Белый, Великие Луки, Красный Холм. В марте 1943 года перебросили на Курскую дугу: г. Богодухов, Сумы, г. Житомир. Молдавия: форсировали Днестр, с боями входили в г. Черновцы. Дивизиону присвоили звание Черновицкий. Затем Польша – г. Стриков, Варшава, Гдыня, Данциг, польский коридор на Балтику; г. Дрезден, г. Коло, Гнездинская провинция, Зееловские высоты и на Берлин.

Воевал в 1-ой Танковой, командующий Катуков, шестой мехкорпус (механизированной) отдельный 405 гвардейский минометный дивизион, 2-ая батарея, наводчик (это “Катюши”, ракетная часть “эресы”).

«Для Отчизны дорогой...»

“ Я не думал, что вернусь с фронта, - вспоминал Николай Иванович, - в Сумах русская женщина из Ленинграда погадала и сказала: “ Ты вернешься живым “.” Несколько раз пуля прорывала фуфайку, нательное белье, а тело не вредила. Дважды был ранен - в щеку, руку и ногу. Осколок над переносицей как солдатский медальон, как неизбывную память о той войне проносил Николай Иванович всю жизнь. И не раз он бывал в таких переделках, что чудом остался в живых.

Однажды прорвавшийся танк выстрелом разбил “Катюше” колесо и задний мост. Солдаты, сидевшие на крыле, человек 12, все погибли. Николая Ивановича взрывной волной выкинуло, взрыва он не слышал, только помнит желтый блеск в глазах. Спасла Николая Ивановича немецкая аккуратность: час обеда, а вечером ужин, все регламентировано, после ужина не воевали. В это время раненный в лицо (щеку и переносицу) Николай Иванович уполз в расположение части, первым пришел его друг, костромич, Федя Шулегин. А “Катюшу” на танке наши потом вытащили.

На Курской дуге, вспоминает Николай Иванович, солнце встает яркое, а к вечеру затуманится (самолеты летят в тыл).

Видел и знаменитый прохоровский бой: все поле танками вспахано, даже зелени нет. Танки, как “крестцы” (когда в поле жали).

На всю жизнь запомнился Николаю Ивановичу эпизод, произошедший на Украине. Их дивизион попал в окружение. Немцы продвинулись левее и правее и замкнули кольцо, отрезав от основных сил. В лесу “Катюшам” стрелять нельзя, поэтому оборону держали из винтовок, и 4 танка на опушке стреляли. А немцы

били “болванками” (снаряд без взрывчатки, который разрывал броню у танка).” На моих глазах, - вспоминал Николай Иванович, – снайперы 5 человек сняли. Окружили нас со всех сторон, кричат: “ Рус, сдавайся”. Офицеры нам говорят: “ Гвардейцев немцы в плен не берут”. И мы запели:

“Черный ворон, что ты вьешься
Над моею головой,
Ты добычи не добьешься,
Черный ворон, я не твой”.

Немцы прекратили стрелять, слушали, как мы поем, мы допели песню до конца. А как закончили петь, вновь завязался бой. Но тут к нам подошла подмога.”

Вспоминал Николай Иванович психологическую атаку, предпринятую немцами, за отражение которой он получил орден Красной звезды: “ Мы стояли на горе около дома помещика. Это было в марте, снег валил шляпами. Находившийся в дозоре татарин крикнул: “ Немцы идут!” Их черно, шли строем, не стреляли. Наш танк выстрелит, сомнет строй, они опять сходятся. Я навел в центр (а был Николай Иванович наводчиком на “Катюше”). После выстрела немцы рассеялись, кто уцелел, в кусты пополз.”

Не раз приходилось Николаю Ивановичу со своими однополчанами отправляться в тыл врага, тогда танки и машины красились на немецкий лад. “ Катюши шли за танками, закрытые чехлами. Приходилось попадать под огонь не только вражеский, но и свой.”

Вспоминает Николай Иванович, как наши самолеты стали бомбить колонну, солдаты, выпрыгнув из машины, спрятались в кювет. Радист, офицер авиации, который был с ними сообщил летчикам по рации, что свои, на что был получен ответ: “Знаем мы своих”. И из крупнокалиберного миномета прочесали колонну.

«Для Отчизны дорогой...»

Разгневанный радист сообщил: “Вернемся на аэродром, вам дадут”. Только тогда улетели наши ястребки, помахав крылышками.

До конца своих дней хранил Николай Иванович в памяти страшные картины боев: красные от крови реки, усеянные не семенами, а человеческими телами, поля.

“На знамени дивизии, - говорит Николай Иванович, - порванном осколками, 6 орденов. В Польше освобожденные евреи нашим солдатам ноги целовали.

Дважды видел Николай Иванович маршала Жукова. Под Зееловскими высотами Николай Иванович стоял в оцеплении. Жуков с полуторки выступал перед солдатами: “Товарищи бойцы, офицеры! Перед нами логово фашизма. Возьмем?” В ответ: “Возьмем!”.

В Берлин входили через Бранденбургские ворота, а параллельная улица была еще занята немцами. Николай Иванович слышал голос Гитлера по радио.

Рассказал Николай Иванович и такой эпизод: “Весна 1945-го года. Берлин. Он стоит на посту. До окончания войны считанные дни. Ночь. И вспомнился ему родной дом, мать, сестры. Вдруг в предрассветной дымке он различил фигуру без опознавательных знаков. Это был немец. Показывая на дом, где был расквартирован расчет, он сказал: “Это мой дом, жена и два ребенка”. И Николай Иванович пропустил немца, не обыскав даже. И только какое-то время спустя он понял, что наделал. Утром, как только его сменили с поста, Наколай Иванович прибежал в дом, открыл дверь в комнату фрау, она закрыла ему рот рукой...

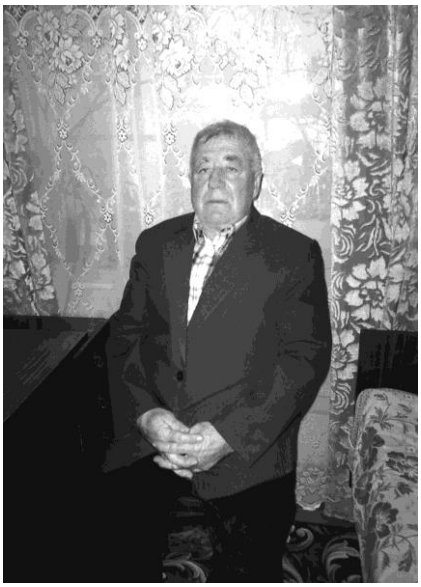
Фрау приготовила шикарный завтрак, яиц нажарила, курицу. Командир и солдаты удивились. Николай Иванович так никому об этом ничего и не сказал.

Поделился Николай Иванович воспоминаниями и том, как штурмовали рейхстаг и как в ознаменование победы написал свою фамилию на его стенах.

«Для Отчизны дорогой...»

PS. В июне 2004 г. Затеев Николай Иванович ушел из жизни. Но остались на память ныне здравствующим и потомкам на магнитной ленте его голос да неторопливый рассказ.

БАРМАШОВ
ВАЛЕНТИН ПЕТРОВИЧ

Бармашов Валентин Петрович родом из Борисоглебского района Ярославской области. Он принадлежит к поколению, детство которого закончилось досрочно. Шестнадцатилетним, еще неокрепшим мальчишкой он, как и тысячи других таких же девчонок и мальчишек, был отправлен под Ленинград рыть окопы. Холодно было, голодно и, конечно же, страшно. А однажды в рядах ополченцев появился диверсант, только доверчивые ребятишки и подумать об этом не могли, и ответили немцу, прекрасно говорившему по-русски, на все интересующие его вопросы.

А когда исполнилось Валентину Петровичу 17 лет, был он мобилизован, служил в пехоте, был адъютантом у капитана, однажды во время обстрела капитана убило, а находящийся рядом Валентин Петрович остался жив. Нелегким было житье пехотинца: леса, землянки, даже у печки не обогреешься – дневальный не даст.

Воевал Валентин Петрович на Смоленско-Брянском направлении, брали Ельню, ранен был тяжело в самом городе. Не помнит, как попал в госпиталь, не

помнит, как везли до Кемерова. Было это в 1943 г., после госпиталя демобилизовали, долго еще не мог он оправиться от тех ран. Вернулся домой на костылях…

БЕЛЯЕВА
ЕВДОКИЯ ПАВЛОВНА

Евдокия Павловна Беляева была из того, первого выпуска Вятской средней школы, из того краснознаменного класса, которым будет гордиться школа. Последний день мирной жизни, последний день безоблачного счастья, “а назавтра, – как сказал поэт, – была война”. Вместе с односельчанами в центре села на площади слушала она сообщение, потрясшее всю страну. К черной тарелке радио были прикованы взгляды людей. Молотов объявил, что началась война.

Все мужское боеспособное население было мобилизовано, недолго пришлось и девчонкам ждать своей очереди. Евдокия Павловна вспоминает: «Из Некрасовского райвоенкомата отправили нас по Волге на пароходе до Кагановичского райвоенкомата, целую ночь провели в пути. А затем погрузили нас в вагоны для перевозки скота и повезли на Дальний Восток». Был месяц май 1942 г.

«Для Отчизны дорогой...»

Служила Евдокия Павловна в полку связи II-го Дальневосточного фронта. Из части видно было реку Уссури. Нелегко было привыкать к новым условиям: разряженный воздух, дышать тяжело, да и на учения часто выезжали. Находились на первом положении (скатка, шинель, винтовка, сапоги – все под рукой в случае необходимости, готовы были ко всему).

Однажды всех солдат отправили разгружать уголь, а Евдокию Павловну оставили на посту. Рассказывая тот случай, вспоминает она пословицу: «Солдат мыл пол – не устал, и вымыл – не узнал». Да, истоковались девичьи руки по женской работе, взяла она голик и давай намывать пол. Вернулись солдаты с разгрузки и замерли на пороге изумленные: пол белый, чистый-чистый. За эту работу объявил ей командир благодарность.

Евдокия Павловна работала в штабе фронта, «на передаче», как она говорит. Толковую девушку заметили (она и в школе отличалась сообразительностью, задачки по математике щелкала как орехи) и поставили командиром отделения. Не готова она была к этому морально, долго плакала. Не раз была отмечена ее добросовестная служба благодарностями, однажды о ней писала армейская газета. Вернулась домой Евдокия Павловна 11 декабря 1945 года, где ее встретили слезами радости.

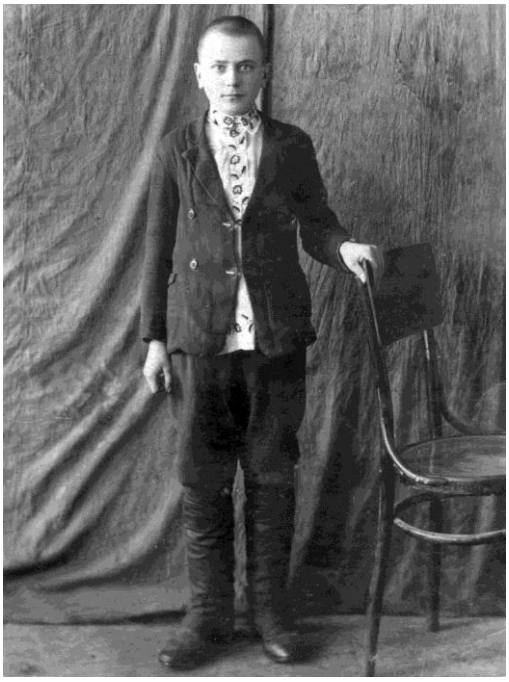

«Для Отчизны дорогой...»

ГОРМЕЛКО
МИХАИЛ ИВАНОВИЧ

Родился 30 октября 1925 г. в старинном селе Стольное Березненского района Черниговской области на границе Украины и Белоруссии.

В 1941 г. Михаил Иванович закончил 8 классов. Первый день войны он помнит очень хорошо.

«10 утра утра. Воскресенье. Бежит по улице женщина, кричит: «Война! Война! Война!». Я в это время был во дворе. Побежал в дом к матери. С ней пошли в центр села. На площади возле церкви собрались люди. Был организован митинг. Слушали сообщение о начале войны. Крику то было! Женщины заголосили, дети заплакали… А через два дня 1400 мужчин возрастом до 55 лет забрали в армию. Отца моего – тоже. Никто из них не вернулся. Из некоторых семей по 3-4 человека уходили…»

Недели через две собрали подростков: ребят и девчат. Под руководством военных больше тысячи человек стали копать окопы и строить оборонительные рубежи на границе с Белоруссией. Иногда с самолетов немцы сбрасывали листовки, в которых призывали людей вернуться домой, так как сопротивление бесполезно.

«Для Отчизны дорогой...»

На строительстве оборонительных рубежей Михаил Иванович проработал 1,5 месяца. В это время немцы обошли это место в круговую и начали наступление на Киев и Москву. Подростков распустили по домам. А через неделю после возвращения домой в селе появились немцы. Это было в конце сентября 1941 г. «Немцы долго не задерживались в селе, останавливались на несколько часов и уходили дальше. В Стольном оставили одного коменданта – пожилого немца, а сама комендатура была только в райцентре.

В тот день, когда немцы зашли в село, было жарко. Идут немцы по улице, заходят во дворы. И к нам зашли. Зарезали поросенка, спросили, сколько нас человек, поросенка тут же в котле сварили, разлили по котелкам, а внутренности, голову – отдали нам. Тут же по свистку ушли. Дня 3-4 шли немцы, потом все затихло. У нас корову увели. У кого-что, в основном брали продукты. Но людей не обижали».

«За время войны в селе ни один дом не пострадал (ни бомбежек, ни взрывов), так как оно было в стороне от центральных дорог и крупных объектов... Так прошло почти два года. Кроме немца – коменданта в селе были еще три полицая из местных жителей, но их обязанности были скорее формальностью: так как особых причин для беспокойства в селе не было: ведь остались одни женщины, старики и дети.

Через два года началось отступление немцев (конец сентября 1943 г.). Но при отходе они не захватили село, шли по окружным дорогам. Наши в село заходили, но ненадолго. Обозы прошли через Стольное не останавливаясь, солдаты “шли ходом” на Чернигов».

6 октября 1943 г. Михаила Ивановича призывают в Березненский райвоенкомат и зачисляют в 215-ый стрелковый полк запасной 77-ой гвардейской дивизии II-го Белорусского фронта.

«Для Отчизны дорогой...»

Михаил Иванович вспоминает: «Немцы ушли. Сильных боев я уже не застал. Сначала мы принимали участие в заготовке продовольствия для армии, картошку копали… А вот уже в январе 1943 стали нас учить военным премудростям».

Вскоре Михаил Иванович попал на фронт. На границе Гомельской и Пинской областей произошли события, определившие дальнейшую судьбу Михаила Ивановича: две роты с боем взяли деревню, но немцы сомкнули кольцо, и люди оказались в окружении. Связь с ними сохранялась, стало известно, что боеприпасы подходят к концу.

Михаил Иванович вошел в прорывную группу численностью 40 человек, которой было поручено пробить брешь в кольце и доставить окруженцам оружие и боеприпасы.

«Кругом болото, лес… Бежали по снегу под обстрелом. Меня сначала в колено ранили. По штанам прямо перевязали мне рану, палку выломали: я еще какое-то время бежал. А потом сразу – шум в голове, темнота…Гранату кинули, наверное, меня контузило. Несколько дней я был без сознания. Очнулся уже в плену. Смотрю: сарай, и вместе со мной на соломе еще человек десять. Все были ранены. Сарай охраняли немцы. Есть не давали, но и не убивали. Ожидание было тягостным…».

Через три дня немцы стали отступать и забрали всех пленных с собой. Выполнено ли было задание, Михаил Иванович так и не узнал…

«Завезли нас в город Лунинец (Западная Украина), погрузили в эшелон и отправили в Польшу, как мы потом узнали, в город Ченстохов. Весь эшелон был забит пленными, везли в товарных вагонах, как свиней. Сколько времени – не знаю, время тогда смешалось: и дни, и часы…В Ченстохове мы попали в лагерь военнопленных, который состоял из нескольких блоков. Немцы охраняли только внешнюю границу лагеря, на территории которого была специальная печь для сожжения тел умерших заключенных. Трупы складывались, а точнее наваливались

друг на друга, как придется, под навесом рядом с печью. Зрелище было ужасающее: замерзшие тела, торчащие в разные стороны руки и ноги, перекошенные от боли и страдания лица, люди в лагере тоже больше походили на скелеты. Ведь питание было чисто символическое: утром – желудевый чай с маленьким кусочком хлеба, в обед – тарелка супа-баланды, вечером 2 вареные картошины. Жили с постоянным чувством голода».

На ноги заключенным надевали колодки, которые представляли собой деревянные бруски с выдолбленными для ног отверстиями. Когда пленных выводили на утреннее построение, слышался характерный стук. Далеко в такой обуви не убежишь.

В лагере Михаил Иванович попадает в лазарет, похожий на длинный барак, заставленный плотно трехъярусными деревянными нарами, никаких матрацев и одеял, разумеется, не было. Врач и санитары – из числа пленных. Немец только наблюдал. Михаилу Ивановичу повезло: врач относился к нему с особым вниманием, так как он напоминал ему сына. Ранение в колено было не слишком тяжелым, намного опаснее был тиф, которым Михаил Иванович заболевает в лагере: четыре дня он находился без сознания между жизнью и смертью с температурой 43°. Врач чудом достал у немцев лекарство, чтобы сбить температуру, делал Михаилу Ивановичу уколы, приносил украдкой хлеб. Выходил.

Всех, кто выжил, планировали использовать на работах в Германии. Перед отправкой туда они проходили специальную медицинскую комиссию: дезинфекцию, баню, подстрижку. Тех, кто имел инфекционные заболевания, отбраковывали.

После прохождения такой комиссии Михаил Ивановича отправили в 10-б пересыльный лагерь, откуда он попадает на строительство железной дороги к фабрике в пригороде Лангзальца (Западная Германия).

«Для Отчизны дорогой...»

«Хозяин фабрики, видимо, арендовал нас, – вспоминает Михаил Иванович. – В Германии нас переодели в военную форму солдат 1914 г., на груди и на спине крупными буквами было написано «ZU» – Советский Союз, чтобы было видно издалека. Все рабочие жили в бараке под охраной вооруженных стариков-немцев. Условия жизни были чуть легче, чем в лагере: спали на соломенных матрацах и кормили лучше. Зимой выдавали связанные из грубой синтетической нити носки.

Когда началось наступление союзных войск, нас погнали в неизвестном направлении. Потом мы узнали, что в сторону Эльбы. Есть такое место – город Нахштреле, в его окрестностях был большой карьер, рядом проходила узкоколейка. Когда-то, видимо, здесь велись строительные работы…Со всех сторон в этот карьер сгоняли пленных, только слышался стук колодок».

На краю карьера в одном месте была сосна, вывернутая экскаватором: корни остались наверху, а ветки свесились в карьер. Ночью Михаил Иванович и еще пять человек вылезли по этой сосне наверх. Старый чех-охранник позволил им это сделать.

«Пошли в лес. Там сразу начиналось болото. И мы по болоту дошли до железной дороги. Пошли по узкоколейке на восток в сторону Польши. Долго шли, прислушивались. Дошли до какой-то будки (раньше там сидел стрелочник, когда по узкоколейке ходили вагонетки). Мы в этой будке переночевали, отдохнули немного. Пошли дальше. Стал слышаться какой-то шум, как будто впереди город. Мы послушаем-послушаем, дальше пойдем. Неизвестность: что там впереди, не знаем.

Повстречался нам пожилой немец, мирный житель (тоже куда-то по этой узкоколейке шел). И он растерялся, и мы. Потом махнул нам: «Идите». Сам в сторону, говорит нам: «Не сворачивайте, кругом болото – не вылезете. Идите по дороге. Там Эльба, висячий мост, там два русских солдата».

«Для Отчизны дорогой...»

Мы приободрились. Прошли еще километра 2-3. Пришли к висячему мосту. Верховье Эльбы: вода бежит, бурлит. Река в этом месте неширокая. Мост висячий, на тросах, шириной метра полтора. У моста – два русских солдата с автоматами, говорят нам: «Проходите в город. Немцев нет, одни русские». Мы перешли. В Нахштреле – кругом свои, в городе была организована общая столовая, которая кормила всех желающих круглосуточно. Можно было зайти в любой дом. Это был самый счастливый день в моей жизни – 1 мая 1945 г.

Мы пошли в комендатуру, комендант распорядился отвести нас в баню и выдать штатское. Мы вымылись, переоделись. Нам дали комнату. Два месяца мы отдыхали. Никто ничего нас не спрашивал. Можно было идти, куда хочешь: купаться, гулять. Это было так необычно… Потом нас стали вызывать на комиссию: по несколько раз мы пересказывали все обстоятельства, как попали в плен, что, когда, где – интересовало все до мельчайших подробностей.

Военных отобрали, увезли в Прибалтику, поселили в здании монастыря. Стали вызывать по одному человеку на государственную комиссию. Весь рассказ записывал стенографист. Расспрашивали опять все подробно, потом эти сведения проверяли».

Так продолжалось почти на два месяца. Михаил Иванович подписался под записанным за ним рассказом.

Все, что Михаил Иванович говорил, подтвердилось, и его снова призвали в армию дослуживать, это было в августе 1945 г.).

«Для Отчизны дорогой...»

Служба продолжалась вплоть до 1949 г. За это время Михаил Иванович побывал в местечке Бракгау под Лейпцигом, в Румынии (в составе отдельного автомобильного батальона), в Молдавии. Долгое время работал на центральном вокзале при железнодорожном коменданте города Бреста: оформлял документацию на автомобили из Германии при их получении в рамках контрибуции, сам пять раз ездил в Берлин в служебные командировки. В ноябре 1948 после снятия Жукова и отмены контрибуции Михаил Иванович был переведен в Москву, а в январе 1949 – демобилизован.

Обстоятельства сложились так, что после демобилизации Михаил Иванович попал в город Донской Тульской области, где у его лучшего друга и сослуживца Федора Михайловича Марченко жили родственники. Вскоре друзья устроились на работу в совхоз «Пронь», который находился в 20 километрах от Донского. В поселке Пронь Михаил Иванович прожил почти 50 лет: здесь он женился, здесь родились его дети.

Вятским жителем Михаил Иванович стал только с осени 1998 г., когда переехал на постоянное место жительства к своей дочери Клеминой Валентине Михайловне.

Как участник Великой Отечественной войны Михаил Иванович награжден Орденом Отечественной войны II-ой степени и многочисленными юбилейными медалями.

После всех жизненных перипетий и испытаний, выпавших на его долю, Михаил Иванович не ожесточился, не утратил жизненную энергию, до сих пор уверен в том, что «простой немецкий народ в войне не виноват». В качестве

напутствия подрастающему поколению он сказал простые и очень важные слова: «Родиной надо гордиться, ею надо дорожить…».

ДЕМИДОВ
АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Когда началась Великая Отечественная война, Алексею Васильевичу было неполных 22 года. Вместе с другими земляками-некрасовцами был направлен сначала в Ленинград, затем в Мурманск.

Буквально на следующий день, во время присяги, личный состав был застигнут врасплох налетом вражеской авиации. Так получилось, что, укрываясь от немецких самолетов, все разделились на две части: те, кто побежал к морю, в том числе и Алексей Васильевич, - спаслись, все остальные, кто побежал в другую сторону, - погибли...

Первый год войны Алексей Васильевич в составе морского десанта специального назначения прослужил у границ Финляндии.

В 1942 году попал на торпедный катер, курсирующий у берегов Норвегии, где и оставался до 1943 года, пока судно не было подбито. Личный состав чудом остался жив.

В 1943 году Алексей Васильевич попал на 2-ю батарею минометного дивизиона Северного противовоздушного фронта. Перед батареей стояла задача:

не пропустить немецкие корабли, идущие к берегам Норвегии. Дивизион находился неподалеку от поселка Рыбачий, на берегу Баренцова моря. Там Алексей Васильевич был первозарядным на третьем орудии вплоть до 1945 года.

На всю жизнь запомнился Алексею Васильевичу такой эпизод. Под покровом ночи немцы хотели провести мимо батареи танкер с горючим. Но судно было замечено. “Нам сразу же дали готовность №1, - вспоминает Алексей Васильевич, - и приказ бить по пять беглым огнем. Танкер вспыхнул”.

Это было впечатляющее зрелище. Полыхающий в ночи танкер Алексей Васильевич помнит до сих пор. Утром немцы нанесли ответный удар. 12 самолетов обрушили на дивизион шквал огня. Непрерывная бомбардировка не прекращалась несколько часов. Кроме воздушной атаки удары по батарее наносило немецкое дальнобойное орудие с другого берега.

“Но наши тоже не сдавались, - вспоминает Алексей Васильевич,- заставили немецкую пушку замолчать. У нас на батарее было бронебойное орудие и осколочные снаряды”.

Во время этого боя Алексей Васильевич получил приказ: как можно быстрее добежать до соседней батареи за подмогой, нужны были люди для того, чтобы обеспечить непрерывную доставку снарядов к орудиям. “Приказы на войне не обсуждаются, я побежал. До соседней батареи было метров 500. Бежал я, не оглядываясь, - вспоминает Алексей Васильевич, - то тут, то там падали снаряды. Я уже не надеялся, что добегу.”

Алексей Васильевич не только благополучно добежал, но и вернулся назад целым и невредимым. За этот случай Алексей Васильевич был представлен к награде. Медаль За отвагу он получил прямо в дивизионе. А вообще, за время войны Алексей Васильевич удостаивался награды четыре раза: две медали «За отвагу» и два ордена Отечественной войны I и II степеней украшали его грудь в

«Для Отчизны дорогой...»

мае 1945 года. За время войны трижды находился между жизнью и смертью. Последний раз это было в феврале 1945 года.

Точным выстрелом из дальнобойного орудия немцы разбили всю батарею. Алексей Васильевич чудом остался в живых. Очнулся он уже в госпитале, куда его привезли без сознания. “Я до сих пор так и не знаю, - вспоминает Алексей Васильевич, - выжил ли кто-нибудь еще из моих сослуживцев после того злополучного выстрела. Сам я получил осколочное ранение в ногу и контузию”. После двух месяцев, проведенных в госпитале, Алексея Васильевича направляют в 145-ый полярный минометный дивизион, где он и встретил победу.

“Домой отпустили не сразу, так как надо было охранять орудие. Лишь через некоторое время нас направили в Мурманск. Здесь у меня неожиданно открылось ранение и я снова попал в госпиталь. Когда вышел, командир стал меня упрашивать остаться в армии, и поступить на курсы младшего офицерского состава. Отговорился я только тем, что у меня старая больная мать и ей нужна моя помощь...”

В родное село Алексей Васильевич вернулся лишь в июне 1946 года.

«Для Отчизны дорогой...»

КОЛОБЕНИНА
ЛЮБОВЬ ПЕТРОВНА

Колобенина Любовь Петровна родилась 16 сентября 1923 г. В с. Архангел Владимирской области.

Будучи молодой девушкой, она была призвана на фронт в апреле 1942 г.

С 1941 г. Любовь Петровна работала в городе Меленки во Владимирской области на фабрике «Красный текстильщик», где занималась заготовкой торфа. Все свое свободное время (вечером – после работы) проводили в кино или на танцах.

О начале войны Любовь Петровна узнала в свой рабочий день, когда она и ее друзья-сослуживцы собирались на работу. Это было в шесть часов утра, везде раздавались шутки и смех, как вдруг по радио сообщили о начале войны. Вокруг воцарилась тишина.

Многие считали, что война затянется ненадолго. Даже шутили о том, что «немца мы лаптями закидаем». Но все вышло не так, война оказалась долгой и жестокой.

Сначала на фронт призвали мужчин, а затем и женщин. Когда Любовь Петровна получила повестку, она пришла на железнодорожный вокзал, где она и теперь уже ее однополчане (фронтовые товарищи) ждали свободного поезда три дня. Мимо них проходило много поездов, но все они были переполнены людьми, ехавшими на фронт.

И вот Любовь Петровна оказалась в Москве, в Чернышевской казарме. Там она и ее фронтовые товарищи обучались на телеграфистов, пулеметчиков по наблюдательно-опознавательным самолетам. Обучение проходило до июня 1943 г.

«Для Отчизны дорогой...»

После учебы Любовь Петровну отправили в Ярославль, где расположилась ее батарея до февраля 1944 г. Специальность Любовь Петровны – оператор по дальности. Вот как она вспоминает свою работу: «У нас были установки 3х3 метра, одна передающая кабина, которая давала импульсы в область самолета в воздух. А самолет, если он есть, давал на приемник отражения, и мы вычисляли азимут, угол места, дальность и передавали зенитной артиллерии (они стояли от нашей батареи в полукилометре), а еще и прожектористы нам помогали (они с нами рядом были). Вот так и обнаруживали самолеты врага».

Любовь Петровна хорошо помнит всех своих командиров. Батарея их относилась к Белорусскому фронту под командованием Жукова, командиром дивизии был Похуденко, полком командовал Симоненко, а батареей Макаров. Решающие сражения, в которых участвовала Любовь Петровна, были на Одере, в последние дни падения Рейхстага и сдачи Берлина, за что и была она награждена медалями «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За победу над Германией», медалью Жукова», знаком фронтовика, многочисленными юбилейными медалями.

Любовь Петровна вспоминает один эпизод своей фронтовой жизни, достаточно смешной эпизод, но он привел к тяжелым последствиям. «Это произошло в Ярославле. Ребята у нас были на все руки мастера, деловые, хозяйственные. Их было 27 человек, а девчат 12. Мы построили две землянки: одна большая – для мужчин, а другая маленькая – для женщин. Ребята обустроили нашу землянку, и нары, и полочки, и окно в потолке, чтобы светло было днем, и лестницу поставили, чтобы удобно было спускаться в землянку. И вот как-то ночью пошел дождь, очень сильный дождь. Утром дежурный дает тревогу, мы вскакиваем и видим, что в землянке воды по колено. Все наши сапоги плавают по воде. Мы хватали какие под руку попадутся. Хорошо тем, у кого нога маленькая, а у кого 39 размер, 35 не оденешь. Командир кричит. Мы выбежали, кто в одном сапоге, кто вообще без сапог, кто их в руках держит. Но командир нас пожалел и

объявил отбой. Мы побежали откачивать воду из землянки, на это нам понадобилось 2 дня. После этой истории кто бронхитом заболел, кто астмой, а у кого остеохондроз обострился».

Самое страшное для Любови Петровны было потерять друзей. А друзьями были все, ведь жили одной дружной семьей, как братья и сестры. После войны встречались в Москве как самые близкие люди. К сожалению, сейчас от 37 человек осталось всего семеро, и все в разных концах России.

Самый трагический случай, который вспоминает Любовь Петровна, произошел на Одере. «Приехали мы на Одер, разгрузили материальную часть, а самим деваться некуда, воронка на воронке, все искорежено. Было это ночью, спать хочется. Улеглись в воронку после бомбежки, задремали. Солдаты, которые давно там находились, предупредили нас, что бомбят каждые два часа, ночью особенно часто. И вот началась бомбежка.

Победу Любовь Петровна встретила на реке Одер под городом Кюстрин в 60 км восточнее Берлина.

Колобенина Любовь Петровна (1-й ряд, справа)

в кругу боевых подруг

«Для Отчизны дорогой...»

КУЗЬМИНА
МАРИЯ ИВАНОВНА

Родилась в деревне Ногино Вятского сельского совета 15 октября 1918 года в многодетной семье. Окончила четыре класса Шиловской школы. В 1940-м году деревню Ногино, в которой было всего четыре дома, снесли как неперспективную. Кузьмины переехали в Вятское.

На момент начала войны из пятерых детей с родителями оставались Мария и Владимир. Остальные уже разъехались: Николай – в Ленинград, Валентина – в Белоруссию, Екатерина – в Ярославль. Мария и Владимир работали с родителями в колхозе, отсюда были призваны на фронт.

1-й день войны Марию Ивановну застал на дорожном строительстве, около Малых Солей (строили дорогу Ярославль – Кострома):

«В колхозе тогда была трудповинность: все трудоспособные с 16 до 45 лет должны были отработать шесть дней на дорожном строительстве и шесть дней на лесозаготовках».

«Сначала на фронт забирали только мужчин, женщины оставались трудиться в тылу. В 1941-1942 годах работали на окопах: в Грешневе (укрепляли берега Волги), а потом погнали в Новгород (станции Окулово, Боровичиха)».

В декабре 1942 года Мария Ивановна получила повестку: «Срочно явиться в райвоенкомат с ложкой и вилкой». В январе 1943-го она попала в Москву на I-е окружные курсы по подготовке поваров МВО (на шоссе Энтузиастов), где

обучалась в течение трех месяцев (январь – апрель 1943-го). До сих пор Мария Ивановна помнит имена подруг, с которыми вместе проходила курсы: Анны Марычевой и Алевтины Степанычевой. После окончания курсов и присвоения квалификации повара МВО в звании сержанта Мария Ивановна попала на Западный фронт в третью гвардейскую часть, стоявшую в обороне под Вязьмой. А далее Воронежский, Брянский фронт, потом «формировка», после которой она в составе 16-й мотомеханизированной бригады 4-й танковой армии I-го Украинского фронта оказалась на Курской Дуге:

«Мы были во втором эшелоне, не на передовой, поэтому было не так страшно. Но были и обстрелы. А когда на Брянск шли – даже бомбежки… Было и так, что приходилось и с танком идти, под охраной: в лесах могли быть немецкие группировки».

«Спали когда где: когда в домах, когда прямо на улице, если где остановка, так прямо у машины и присядешь переночевать. Никаких землянок… Болели простужались, но ранена не была – Бог миловал».

«Я одна была поваром на всю автороту. Продукты доставлялись нерегулярно, приходилось и самим «промышлять» - доставать провизию у мирного населения. Американские продукты были лучше всего: и консервы, и хлеб (маленькие буханочки). Очень часто солдатам выдавали сухой паёк (этим занимался отдельный человек)».

После Курской Дуги – освобождали Украину:

«Помню на Украине довелось нам немцев лицом к лицу увидеть. На каком-то хуторе мы решили отдохнуть, зашли в дом, хотели размещаться, а солдаты нас попросили выйти, так как им надо было осмотреть дом. Оказалось, в подвале

спряталась группа немецких солдат, их вывели и расстреляли. Все они были молодые парни…».

После Украины – Закарпатье, Польша. Бои за Краков были особенно тяжелыми:

«В Польше стояли в парке. Каждый день – танцы. Даже паненки приходили… Песни пели, любимая – была «Землянка». Были и свои гармонисты, и артисты приезжали неоднократно».

Довелось Марии Ивановне увидеть и Берлин, и здание Рейхстага, когда часть проезжала по улицам уже взятого города, где она видела колонны пленных немцев.

После Берлина 4-я танковая армия принимала участие и в освобождении Чехословакии, затем – Австрии, откуда Мария Ивановна и демобилизовалась:

«В Австрии жили в старинном замке, в котором до нас, наверное тюрьма: в подвалах остались койки, а стены были исписаны именами и фамилиями, в том числе и русскими».

После демобилизации Мария Ивановна вернулась домой в Вятское к родителям, с которыми во время войны поддерживала связь через полевую почту. Чуть ранее вернулся брат Владимир с тяжелым ранением в ногу (служил на «самоходке»). Сестра Екатерина была снайпером, имеет многочисленные боевые награды.

Мария Ивановна снова устроилась в колхоз, полеводческую бригаду:

«Работали мы тогда за трудодни. Жили приусадебным хозяйством: огурцов насолишь продашь в Архангельске – вот и деньги… После войны было голодно. Мы ходили в Бор, там был картофелетёрочный завод, брали там отходы, которые использовали для питания, копали прошлогоднюю картошку. Снова началась трудповинность… Особенно мучали лесозаготовки. Все женщины до 45-ти лет

должны были заготовить определенное количество кубометров дров. Зимой. В лесу… Гоняли почем зря».

В семейном архиве Марии Ивановны хранятся благодарности Сталина за взятие Каменец-Подольска, Львова, Берлина, Праги; грамоты за взятие Берлина и за освобождение Праги, медали «За боевые заслуги», «За освобождение Праги», орден Отечественной войны II-й степени, многочисленные юбилейные медали.

УЧАСТНИКУ

боев за освобождение Праги

Гвардии сержант Кузьминой

Марии Ивановне

Приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища СТАЛИНА от 9 мая 1945 года № 368 за освобождение от немецких захватчиков столицы союзной нам Чехословакии — города ПРАГИ всему личному составу нашего корпуса, в том числе и Вам, принимавшему участие в боях за ПРАГУ, ОБЪЯВЛЕНА БЛАГОДАРНОСТЬ.

Поздравляю Вас с [illegible] благодарности и желаю Вам дальнейш[illegible] в Вашей боевой [illegible]тельности.

Командир корпуса
Герой Советского Союза
гвардии полковник
10 мая 1945 г. (С. Пушкарев).

«Для Отчизны дорогой...»

...Добить фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином знамя победы.

И. СТАЛИН

Участнику исторической битвы за Берлин

Гвардии Сержанту Кузьмину

Матвею Ивановичу

Приказом Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина от 2 мая 1945 года № 359 за участие в овладении столицей Германии городом Берлин — центром немецкого империализма и очагом немецкой агрессии — всему личному составу нашей армии, в том числе и Вам, принимавшему участие в боях за Берлин, ОБЪЯВЛЕНА БЛАГОДАРНОСТЬ.

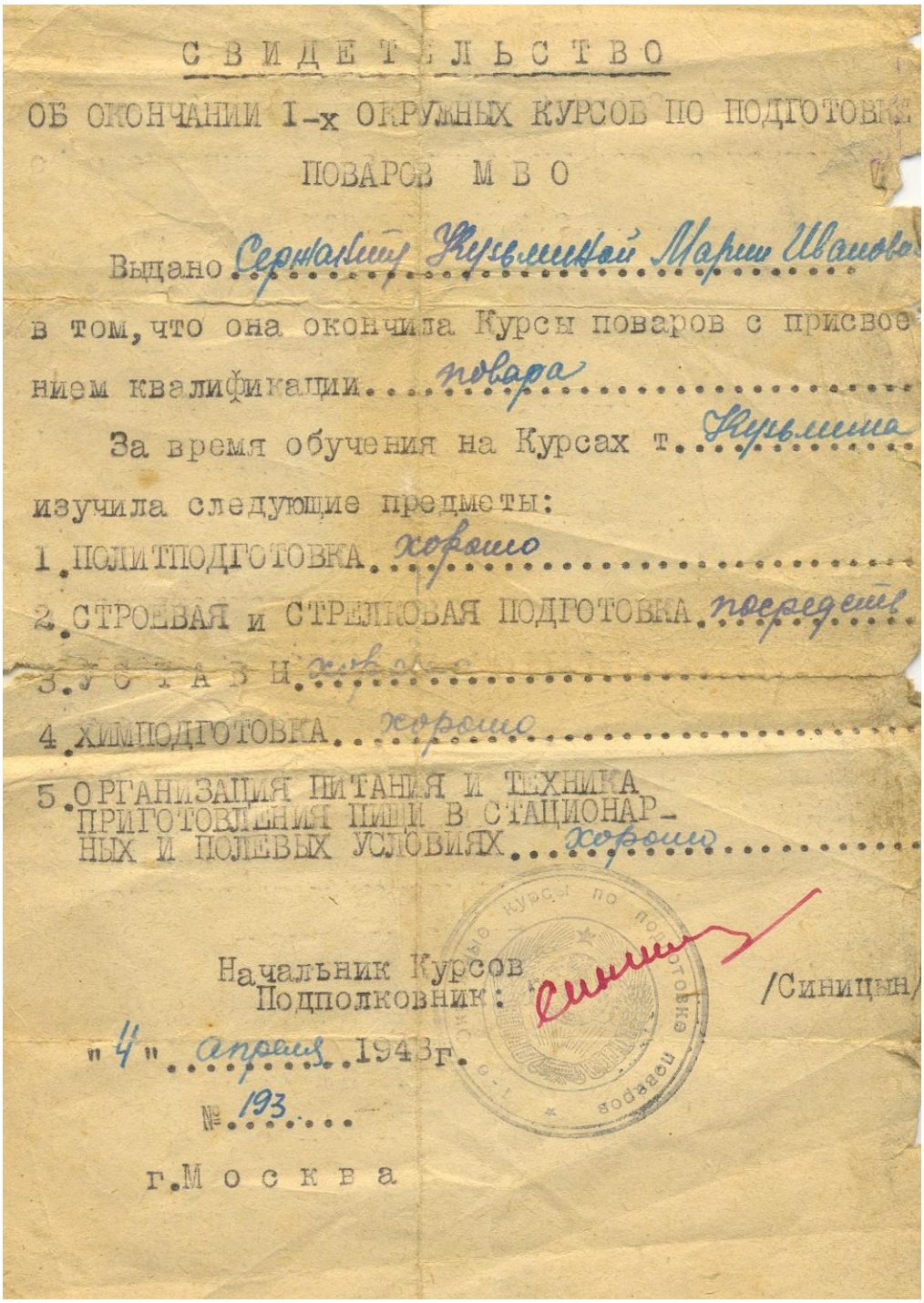
Военный Совет армии поздравляет Вас с получением благодарности и желает Вам дальнейших боевых успехов.

Командующий армией Гвардии генерал-полковник ЛЕЛЮШЕНКО

Член Военного Совета армии Гвардии генерал-майор танковых войск ГУЛЯЕВ

3 мая 1945 г.

«Для Отчизны дорогой...»

СВИДЕТЕЛЬСТВО

ОБ ОКОНЧАНИИ 1-х ОКРУЖНЫХ КУРСОВ ПО ПОДГОТОВКЕ

ПОВАРОВ М В О

Выдано Сержанту Кузьминой Марии Ивановне

в том, что она окончила Курсы поваров с присвоением квалификации повара

За время обучения на Курсах т. Кузьмина

изучила следующие предметы:

1. ПОЛИТПОДГОТОВКА хорошо
2. СТРОЕВАЯ и СТРЕЛКОВАЯ ПОДГОТОВКА посредственно
3. УСТАВ хорошо
4. ХИМПОДГОТОВКА хорошо
5. ОРГАНИЗАЦИЯ ПИТАНИЯ И ТЕХНИКА ПРИГОТОВЛЕНИЯ ПИЩИ В СТАЦИОНАРНЫХ И ПОЛЕВЫХ УСЛОВИЯХ хорошо

Начальник Курсов
Подполковник: /Синицын/

"4" апреля 1943г.

№ 193

г. Москва

«Для Отчизны дорогой...»

РЫЖЕНКОВ
БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ

Борис Александрович родился 3 сентября 1925 г. в деревне Федяево Вятского с/с. После окончания 7 классов Вятской средней школы устроился на работу в колхоз, пас колхозных телят. Однажды, придя с поля, узнал страшную весть: началась война.

В 1943 г., когда Борису Александровичу исполнилось 18 лет, его призывают в армию. Из Некрасовского военкомата направили в Кировский военкомат города Ярославля, где всех новобранцев распределяли по разным батальонам и ротам. Бориса Александровича направили под Киров в учебный лагерь «Боровой», который находился прямо в лесу. В течение 3,5 месяцев он обучался на минометчика, после учебы – был отправлен на фронт. Почти сразу Бориса Александровича вновь отправили на курсы младших лейтенантов при 9-м запасном полку II-ой армии 4-го Украинского фронта, после окончания которых Борис Александрович в звании сержанта становится командиром 45-ти миллиметровой пушки.

А дальше – курс на Севастополь, озеро Сиваш, станция Жанкой, Северная бухта, присоединение к Приморской армии, взятие Севастополя…

«8 мая 1944 г. овладели Севастополем, – вспоминает Борис Александрович. – Пленных взяли 24 тысячи, в основном, румын. Прижали их к косе у моря, им деваться было некуда, мы их и взяли».

«Для Отчизны дорогой...»

С Украиной у Бориса Александровича связано одно из воспоминаний: «Однажды близ Ворошиловки стали купаться в реке. Только зашли в воду – налетела фашистская авиация, видимо разведка работала. Рядом с рекой был сад, в нем стояла кавалерийская часть. Началась паника, все бросились в воду, лошадей тогда много погибло».

После взятия Севастополя Борис Александрович со своим полком был направлен в Белоруссию в Гомельские леса, где формировалась армия 1-го Прибалтийского фронта.

Интересны воспоминания Бориса Александровича о солдатском быте на фронте во время боевых действий:

«Было, что и мороженый хлеб штыком разрубали да ели. Бывало, что и трофеи хорошие: ешь не хочу. А так все больше крупы: каши да суп крупяной».

«Помыться и постирать одежду можно было один раз в два-три месяца, когда с передовой нас отводили в так называемый II-й эшелон. Прямо на улице, независимо от времени года, устанавливались специальные железные бочки с водой, разжигались костры. Так и мылись».

Из Белоруссии Борис Александрович в составе армии 1-го Прибалтийского фронта принимал участие в освобождении Литвы.

«Освободили Вильнюс, народ встречал нас хорошо, радушно, не как в Латвии. До Риги мы не дошли, по приказу сменили направление и взяли курс на Балтийское море».

Но и до Балтийского моря Борису Александровичу дойти было не суждено. В одном из танковых боев 24 марта 1945 г. он был тяжело ранен.

«У меня пушка-то была противотанковая. Я один танк успел подбить. А в расчете у нас из четырех человек осталось только двое: я и старичок-украинец. Он снаряды подтаскивал – я стрелял. И вот прозевал я момент, когда из-за кустов вышел еще один танк. Он, видно, меня уже выследил, и прямо по пушке прямой

наводкой. Я не успел даже на гашетку нажать, он меня опередил… В этом бою старичка-украинца убило, а мне оторвало ногу. Я еще сперва был в сознании, снял ремень, перевязал ногу выше колена и переполз в окопчик на плащ-палатку. Был бой. И взять меня санитарам было невозможно. Только вечером меня перетащили в землянку командира батареи. Дождались транспорта, за ранеными полуторку прислали. Нас повезли в госпиталь. Ехали лесом. Немцы знали, что дорога одна, и поэтому постоянно её обстреливали. Машина мчалась на всем ходу, нас так кидало из стороны в сторону, что я потерял сознание. Очнулся только в полевом госпитале, все в белых халатах вокруг. Помню говорят мне: «Ладно… ладно… спи!». Дали мне наркозу, стали «чистить» – через рану попали пороховые газы. В трех местах рассекали кожу… Очнулся я в длинной палатке, где было много-много раненых. Здесь я пролежал недели две. У меня постоянно была высокая температура, а в таком состоянии эвакуировать было нельзя. Из этого полевого госпиталя меня отправили в госпиталь города Шауляй (Литва), где я пробыл еще некоторое время. У меня снова поднялась температура, а с ней на санитарный поезд не брали. Но вот мне повезло: начальником поезда была ярославская женщина, она меня, как земляка, взяла прямо с температурой. Направление – Рыбинск. Приехали, а мест в госпитале нет, в Ярославле – то же самое. А у меня в Ярославле на железной дороге работала двоюродная сестра. Я попросил узнать, где она, но, к несчастью, именно в этот день она уехала в деревню – у неё был выходной».

Санитарный поезд отправился дальше… Так волею судьбы Борис Александрович оказался в Нижнем Тагиле. Там, в течение восьми месяцев он находился на лечении в госпитале, где ему сделали несколько операций на ноге.

После выписки он поехал домой. Вернулся домой в начале октября 1945 года.

«Для Отчизны дорогой...»

«Я приехал, а никто и не знал, что я без ноги, – рассказывает Борис Александрович, – даже матери не говорил. Придешь с гулянки, протез под кровать подпихнешь, никто ничего и не замечал. А потом узнали: в баню пошел, вот тогда и увидели».

Несмотря на все испытания, которые выпали на его долю, Борис Александрович поражает своим жизнелюбием и оптимизмом.

«Война – это последнее дело. Но страшиться нечего. Человек все переживает. Главное – не бояться и помогать друг другу».

За героизм и мужество, проявленные в годы Великой Отечественной войны, Борис Александрович награжден орденами Славы III-й степени, Отечественной войны I-й степени, медалью «За боевые заслуги», а также многочисленными юбилейными медалями.

СОКОЛОВ
ГЕННАДИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Уроженец Мышкинского района, в 1940 г. был призван в Красную Армию. Известие о начале войны застало его в военной части города Кременчуга Полтавской области.

«Все отдыхали, вдруг- тревога…Сообщают: началась война».

В первые дни войны Геннадий Васильевич стал свидетелем массовой паники и неразберихи. Войска,

застигнутые врасплох вражеской авиацией, вынуждены были спешно отступать. «Первый бой с немецкими танками приняли на станции Семеновка. Противостоять натиску фашистских полчищ было невозможно. Сдали Полтаву, Харьков, всю Украину, дошли почти до Москвы», – с горечью вспоминает Геннадий Васильевич.

В 1942 г. после окончания 3-х месячных курсов в Челябинском танковом училище Геннадий Васильевич попадает в 28-ой отдельный гвардейский тяжелый танковый полк (войну закончил в 70-м гвардейском тяжелом танковом полку). Перед танковыми полками ставилась задача: прорывать немецкую оборону и облегчить наступление частям Красной Армии.

В составе 28-го отдельного гвардейского танкового полка Геннадий Васильевич принимал участие в боях на Курской дуге. Особенно запомнился ему бой возле Прохоровки: в танковом сражении принимали участие по 1500 танков с той и с другой стороны.

«Бой был очень жестокий. Бились не на жизнь, а на смерть…».

За этот бой Геннадий Васильевич награжден боевым Орденом Красного Знамени.

За время войны Геннадий Васильевич был неоднократно ранен (до сих пор в его правой руке сохранился осколок). Первое ранение Геннадий Васильевич получил на Калининском фронте в 1942 г.

1943 г., Украина. «Помню такой случай: танк подбили, двигатель заглох. Мы, двое наводчиков, успели выскочить и отбежать метров на триста. За нами – командир и заряжающий. Отбежали, стали пережидать у камня. Шел бой, огонь минометный, кругом взрывы. Уже по звуку летящего снаряда мы научились определять, куда летит мина: пронесет или нет».

Вот еще одно воспоминание Геннадия Васильевича, связанное с Украиной: «Есть на Украине такое местечко – станция Звездочка. Там мы попали в засаду. При взятии высоты немец открыл бешеный огонь. Мы стали пятиться назад и

попали в противотанковый ров (2 танка). Нас обступили немцы. Ходят по башне, кричат: «Рус, капут!». Мы уже и очередь составили: кому стреляться первым. Сидели так несколько часов. Уже приготовились к смерти. Вдруг слышим: «Ура!». Наши, значит. Это было в 1943-1944 гг.».

После Украины принимал участие в освобождении Белоруссии и Польши. За время войны Геннадию Васильевичу пришлось воевать на 13 танках (был механиком), на четырнадцатой машине он один из первых форсировал Вислу, брал Кенигсберг, Вальсберг. Закончил войну на Эльбе, где встречался с союзниками. «Ходил в гости, переводчиков не было – общались жестами, обменивались на память разными вещами (например, пуговицами на гимнастёрках).

На подходах к Висле было непроходимое болото. Это было в январе 1944 г. Разведка вовремя не предоставила об этом сведения. Наш танк сел на «пузо» прямо во время боя, рядом тоже машина застряла. Пехота выйти не может: кто за танки прячется, кто где. У немцев на переднем крае, в окопе, оставались два стрелка (штрафники-смертники). Потом остался только один. Даст очередь из автомата, перебежит по окопу, в другом месте стреляет, не даёт пехоте подняться. Мы открыли люк, выставили шлем на винтовке (Боря Витков, член нашего экипажа, достал где-то немецкую снайперскую винтовку). По шлему – очередь. Потом тишина. Немец перебежал в другое место и на наш танк не обращает внимания. Я беру винтовку, прицелился – выстрелил. Попал прямо в голову. Тут поднялась пехота…

Война окончилась в ночь на 1 мая 1945 г., в Пасху, в Христов день. Именно тогда взяли Берлин, но бои продолжались до конца мая».

«Бои на войне – не каждый день. Были и затишья. Например, на формировке перед Берлином, которая длилась дней 15. В 30 км от столицы 3 рейха мы взяли аэродром Шпандау. Борис Витков, сослуживец, из любопытства пошел «шастать» по немецким самолётам. Залез в один – начал включать, а он и завёлся. Хорошо,

«Для Отчизны дорогой...»

Борис успел выпрыгнуть вовремя, а самолёт на полном ходу в ангар въехал и загорелся. Вот уж мы тогда смеялись над Борисом».

«Экипаж наш хорошо помню – Костя Трубин, Борис Витков и командир экипажа Костарев Александр Сергеевич. Спали сидя в машине. В зимнее время ноги примерзали. Мы их обматывали газетами, портянками, но все равно было очень холодно. В 1942 г. с продовольствием было туго, а вот уж когда вошли в Польшу, еды стало вдоволь. Обмундирование – шинели, овчинные тулупы. Зимой спасали 100 граммов наркомовских. Их выдавали по вечерам, но за два дня до боя Адам Ааронович, командир полка, приказывал выдачу алкоголя прекратить, чтобы “разум был трезвый, а ум холодный”».

«Кровь за кровь, смерть за смерть – по этому принципу мы жили на войне. В Калининской области во время наступления Костя Трубин, член нашего экипажа, стал просить осторожнее вести огонь около одной деревни – там жили его родители. Когда деревню заняли, оказалось, что вся его семья повешена. Он после этого не мог отойти. Если видел колонну пленных немцев мог врезаться в них на полном ходу, если командир от рычагов не оттащит».

Берлин должен был брать Рокоссовский, а Сталин переиграл и назначил Жукова. Я их обоих видел – и Жукова, и Рокоссовского. Перед боями (а наш полк считался прорывным) вдруг говорят, что сам Рокоссовский смотреть будет. Оба – и Рокоссовский, и Жуков – ходили с тростями и, если только что не понравится, так могли этой тростью огреть! Их даже полковники боялись. Это были командиры первого класса! Атака с прожекторами – идея Жукова. Немцев ослепили, а нам их хорошо было видно…

Берлин был разделён на сектора – американский, французский, советский. Американцы бомбили только свой сектор: по 1000 самолётов залетали и бомбили всё начисто. Ночью боёв не было. Как бой начинается, вся жизнь проходит перед

глазами несколько раз. Всё время в напряжении. А после обеда, когда наступало затишье, появлялись мысли: только бы остаться в живых…».

За боевые заслуги Геннадий Васильевич Соколов был награждён был награждён орденом Красного Знамени, орденами Отечественной войны I-й и II-й степеней и орденом Красной Звезды, не считая многочисленных юбилейных наград

После войны Геннадий Васильевич вернулся домой в Мышкинский район. Чуть позднее был послан от МТС в Быково учиться на бригадира тракторной бригады. Там познакомился с некрасовцами Пшеничниковым Борисом и Третьяковым Константином, которые и уговорили его перебраться в Вятское, поближе к областному центру.

В Вятском я с женой своей познакомился, здесь у меня два сына родились… Вот дожить бы до 60-летия, а там можно и к бабке моей Серафиме собираться…».

«Для Отчизны дорогой...»

ФИЛИППОВА (ПЕТРЯЕВА) МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

Я только раз бывала в рукопашной,
Раз наяву, и тысячу во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.

21 июня 1941 года. Этот день для Вятской средней школы был знаменательным, торжественным, радостным и грустным одновременно. Вятская средняя школа выпускала свой первый десятый класс. Краснознаменный. Гордость школы. Яркие, талантливые мальчишки и девчонки. Они были лучшими и в учебе, и в общественных начинаниях. И это неслучайно. Не каждая крестьянская семья могла позволить себе дать ребенку среднее образовании, в ученье отдавали самых способных. И они оправдывали родительские и учительские ожидания, и не раз еще оправдают потом. В этот торжественный день было много речей, напутствий, музыки, танцев и, конечно же, слез. Павел Алексеевич Афанасьев, сын учителя географии Алексея Ивановича и учительницы литературы и пения Нины Николаевны, глазами маленького мальчика смотрел на этот выпускной и сохранил в своей памяти трогательность обстановки этого вечера. Он помнит, как девчонки стояли обнявшись и плакали. Что это? Грусть по детству, оставшемуся за школьным порогом, или предчувствие того не отвратимого, что ожидало их уже завтра.

«Для Отчизны дорогой...»

На второй день выпускного все собрались в школе. Мария Александровна Филиппова вспоминает: «Елизавета Дмитриевна Титова сказала: «Милые мои детки, началась война!». Посидели мы на втором этаже школы, ребята все сникли, конечно. А потом расстались и больше уже не встречались никогда».

Так в жизнь вчерашней школьницы, красавицы, Машеньки Петряевой ворвалась война. И надела она на свои хрупкие девичьи плечи шинель и сполна познала нелегкую солдатскую долю.

Служила Мария Александровна на Волховском фронте в полку связи,

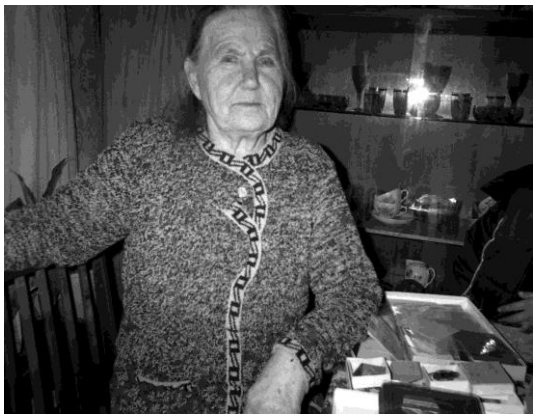
который состоял из женщин и стариков. «На войне, конечно, очень страшно было, – говорит она, – первое время многие девчонки плакали, а потом привыкли: смерть придет – умирать надо. Жили в землянках, подвалах, спали не раздеваясь. Немецкие самолеты летали прямо над нами. Я часто бывала в экспедициях – рация с нами. Немцы все время бомбили, однажды снаряд разорвался метрах в 50 от нас».

30 апреля 1943 г., – вспоминает Мария Александровна, – я работала с пакетами, которые мы должны были отправить по всем воинским частям. Один пакет доставить не смогли, так как часть сменила место дислокации. Меня же посадили меня под домашний арест на трое суток – я очень расстраивалась. Но пришло распоряжение: в честь 1 мая освободить арестованных».

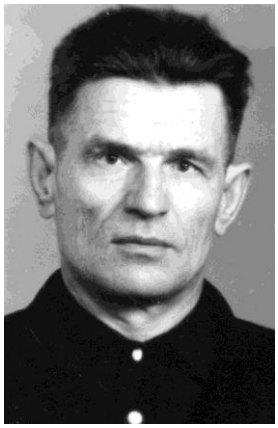
Сообщение о Победе Мария Александровна приняла сама в 4 часа утра. «Все спали, – говорит она – Я закричала: «Война закончилась!» Все проснулись стали стрелять в воздух, обниматься, целоваться. Но на этом испытания не закончились, 21 мая 1945 г. Мария Александровна и ее подруги отравились светильным газом – дверь в их комнату выломали, а девушек отвезли в госпиталь.

«Для Отчизны дорогой...»

Волховский фронт, Ленинградский, Украинский – вот ее боевой путь. Мария Александровна награждена орденом Отечественной войны, медалями за участие в боях на Волховском фронте, оборону Ленинграда и взятие Праги, медалью «За боевые заслуги» и юбилейными наградами. 23 июня 1945 г. Мария Александровна была демобилизована.

ХОМУТОВ
ЛЕОНИД АЛЕКСАНДРОВИЧ

Хомутов Леонид Александрович – человек удивительной судьбы: чудом попал на фронт, чудом остался в живых, а уж интересных случаев на его памяти столько, что можно целую книгу писать... Замечательный рассказчик, удивительно доброй и светлой души человек, на долю которого выпало много испытаний и бед.

В первый же день войны Леонид Александрович пошел в военкомат, подал заявление, но с ним, “белобилетником” по зрению, не стали даже разговаривать. Направили в Кировский райком комсомола города Ярославля, где Леонида Александровича зачислили в народную дружину.

“Патрулировали Волжскую набережную, - вспоминает Леонид Александрович, - ходили нарядом по 3-5 человек, больше девушки”.

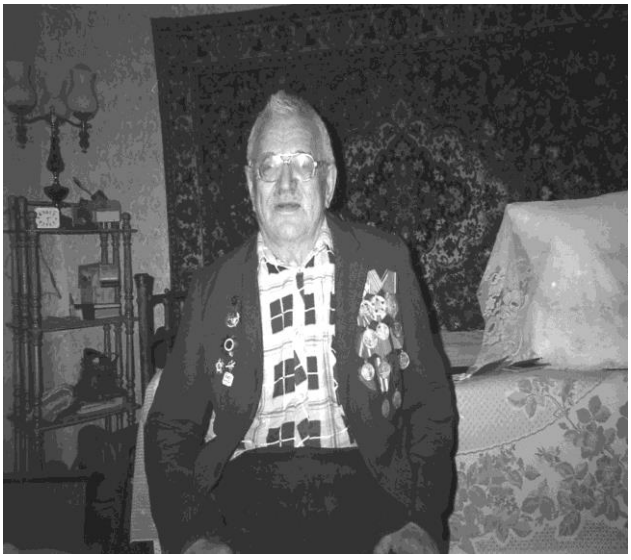
«Для Отчизны дорогой...»

Чуть позже по воле случая Леонид Александрович оказался в Башкирии (сопровождающим на товарном поезде). “Попасть туда было легче, чем выбраться оттуда,” - вспоминает Леонид Александрович. Некоторое время ему приходилось работать заведующим сепаратного пункта, но мысль о фронте не покидала его.

В июне 1942 года Леонид Александрович вновь предпринимает попытку пройти медицинскую комиссию. Физически он был хорошо подготовлен, богатырского роста и телосложения. Один недостаток – потеря зрения -”0,5”. Тогда Леонид Александрович совершает невозможное: уговаривает женщину-окулиста написать, что он здоров. Она соглашается и ставит ему “единицу”, после чего Леонида Александровича призывают на фронт.

Даже по истечению стольких лет Леонид Александрович помнит все до мельчайших подробностей: как везли сначала в Уфу, затем в город Кинель Куйбышевской области, как выстроили всех на железнодорожной платформе, как пошли “покупатели” - командиры, отбиравшие солдат для своих подразделений. “Первая пошла разведка, - рассказывает Леонид Александрович, - я рослый был, понравился командиру роты, он и взял меня в разведку.”

Около месяца были на формировании. Командир роты, старший лейтенант Полек, еще ни разу не был на передовой. Командиры взводов – молодые ребята,

курсанты военных училищ, прошедшие ускоренные 4-х-месячные курсы. Единственный, кто имел представление о боевых действиях, был помощник командира роты по строевой подготовке Деревнин, участник финской войны, разведчик. “Вооружение в начале войны, вплоть до 1942 года, было тоже неважное, -

вспоминает Леонид Александрович, - в разведроте всего четыре автомата ППШ, остальные вооружены винтовками.”

Первой точкой на карте военной биографии Леонида Александровича стал Сталинград.

“Помню, как шли на фронт... Ночью нас выгрузили в Красном Яру, неподалеку от озера Баскунчак. Неожиданно налетела авиация, разбили крупную нефтебазу. Сразу стало светло, как днем. Дальше до передовой надо было идти походным порядком более 100 км. Движение войск было возможно только в ночное время. Облачно... Дождь... Земля (чернозем) намокла, на сапоги налипает, так, что ноги не поднять. В первую ночь мы сбились с пути, заплутали. Устали, идти не можем. Зашли в балку, устроились на ночлег. Дождь... Плащ-палаток не было. Рота спала, а командир роты и комиссар стояли на часах.” - рассказывает Леонид Александрович.

Лишь к вечеру на вторые сутки приблизились к передовой, побывать на которой предстояло совсем скоро.

На всю жизнь запомнилось Леониду Александровичу первое задание, которое вполне могло стать и последним.

“Надо было разведать немецкое боевое охранение. На задание нас, человек 20, повели командир роты полковник Деревнин и комиссар. Нас было взводом меньше, чем немцев. Я с товарищем выискался взять “языка”. Видим, часовой ходит в окопе. Зашел в блиндаж, мы – в окоп перескочили. Немец выходит и становится между нами. Я на колено привстал, хотел ударить прикладом по голове (тогда бы он сразу потерял сознание), а удар пришелся по каске... Немец заорал: из блиндажа посыпались немцы. А Деревнин не растерялся и несколько гранат в блиндаж бросил. Силы стали почти равные. Началась рукопашная. На мне оказался немец, он был сильнее и, очевидно, старше меня. Оружие у обоих во время драки выпало... Правая рука подо мной, левую немец держит. Свободной рукой немец

стал снимать с пояса штык. Вот тут уж сработал инстинкт самосохранения: я подобрал все свои силы и ... схватил зубами немца за нос. Он от боли руку мне отпустил, я его и ударил под нижнюю челюсть. А удар то у меня - ого-го, килограммов на 100...”

Пока немец опоминался, Леонид Александрович подмял его под себя, вытащил у него штык и пригвоздил его со всего маху к земле...

“Это был самый первый труп от моей руки,- рассказывает Леонид Александрович, - кошмары еще долго потом мучили меня.”

“Страшно ли на войне? Сначала боязно, потом привыкаешь... Когда трусишь, больше задевает,- говорит Леонид Александрович,- такие случаи были, казалось, все!”

Эти слова подтверждает еще один случай, произошедший с ним все там же, под Сталинградом, когда Леонид Александрович чуть не погиб от пули снайпера. Спасло чудо: увернулся. Задело шинель, телогрейку, гимнастерку, в ней комсомольский билет как расстригло, трубку с таблетками для обезвреживания воды – разбило, теплое белье – зацепило, нательное нет.

Третий раз между жизнью и смертью оказался Леонид Александрович в январе 1945 года. На этот раз судьба оказалась не так благосклонна: осколочное ранение в спину и ногу стали результатом неожиданного шального выстрела из немецкого дальнобойного орудия. “Четверых старшин, шедших в метрах 15-ти впереди, убило. А политрука, который шел со мной, не контузило и не задело... Очнулся я на 12-е сутки в полевом медсанбате, откуда меня направили в Саратовский госпиталь.”

В госпитале Леонид Александрович пробыл 8 месяцев, большую часть из которых пролежал без движения.

После выхода из госпиталя, Леонид Александрович окончил фронтовые курсы младшего офицерского состава и стал младшим лейтенантом.

«Для Отчизны дорогой...»

В 20-х числах ноября 1944 года он попадает в Московский офицерский резерв, становится старшиной младшего офицерского состава. В начале июня – адъютантом полковника 3-го Украинского фронта, который вскоре получает должность начальника Северного противовоздушного фронта, занимавшего огромную территорию: южная граница - Киев, северная – Мурманск, тыловая - Киров.

“Летом – 10 суток в Москве, 20 – в командировке. Самолет, автомобиль, поезд... К осени мне эта должность стала надоедать”, - вспоминает Леонид Александрович.

“Вы бы меня отправили куда-нибудь”, - обратился он с просьбой к полковнику, помощнику начальника отдела кадров химических войск Красной Армии.

После госпиталя в личном деле Леонида Александровича значилось: “В военное время должен находиться в тылу при штабах и учреждениях, в мирное время – со снятием с учета.” Для того чтобы поехать в армию, надо было относиться к первой группе (без ограничений). А тут как раз предоставилась возможность поехать в польскую армию. Леонид Александрович удалил из своего личного дела страницы, на которых было заключение медицинской комиссии, и, пойдя наперекор судьбе уже во второй раз, снова оказался в действующей армии, на этот раз – в польской, где был назначен начальником химслужбы артиллерийского полка.

«Для Отчизны дорогой...»

FRAGMENT Z OBRAZU „GRUNWALD" JANA MATEJKI

W ROKU 1410 dnia 15 lipca, połączone wojska polskie, litewskie, smoleńskie, kijowskie, czeskie i morawskie, silne swoją jednością stoczyły na polach G r u n w a l d u zwycięski bój ze śmiertelnym wrogiem Słowiańszczyzny — krzyżakami.
W ROKU 1945, kiedy bohaterską walką Narodu polskiego kierowała Krajowa Rada Narodowa, żołnierz polski walcząc ramię przy ramieniu z żołnierzem radzieckim, stanął z nim jako zwycięzca na gruzach Berlina.
Na wszystkich polach walki i na ziemi ojczystej Polacy zmagali się przez blisko 6 lat po bohatersku ze swym odwiecznym wrogiem. Po latach ciężkiej walki z niemczyzną, narody miłujące wolność z wielkim Związkiem Radzieckim na czele, rozgromiły Niemcy, ratując świat przed barbarzyństwem faszystowskim. Drugi Grunwald przyniósł ojczyźnie wolność, demokrację i powrót Ziem Zachodnich do Macierzy.
Odznaka Grunwaldzka jest symbolem zwycięstwa nad Niemcami.

ROZKAZEM Z DNIA 22 LIPCA 1945 ROKU
NACZELNY DOWÓDCA WOJSKA POLSKIEGO
nadał:
uczestnikowi walki zbrojnej z niemcami
w latach 1939 — 1945
Ob. CHOMUTOW Leonid

ODZNAKĘ GRUNWALDZKĄ

Pieczęć SZEF DEP. KADR MON

Nr 164895

Warszawa, dn. 29.11. 1974 r.

“Переобмундировали нас в польскую форму, - вспоминает Леонид Александрович, - стал я паном поручиком. Командный язык был исключительно польский.”

В рядах польской армии Леонид Александрович и встретил Победу.

“С 25 апреля стояли в обороне. Ничего не получалось. Потери были большие. Если ситуация менялась, немцы старались отойти в американскую зону, нам не сдавались.

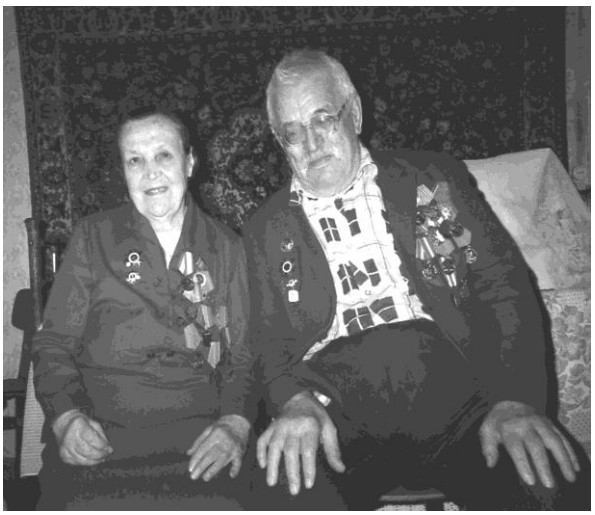
8 мая дивизия наша снялась и – маршем на Прагу, она еще не была взята. Утром – автоматная очередь. Двигается, двигается, двигается. Оказалось, это командир хозвзвода на лошади оповещал всю колонну о Победе, стрелял в воздух и кричал:”Победа! Победа!”.

Последний бой, в котором принимал участие Леонид Александрович, был 12 мая 1945 года с эсесовской группировкой.

“В плен не брали и не сдавались, - вспоминает Леонид Александрович, - окончилась для меня война 16 мая в Чехословакии. А домой из польской армии я был отозван лишь в феврале 1946 года”.

«Для Отчизны дорогой...»

Орден Отечественной войны II-й степени и две польские медали украшали его грудь...

“В войну человек внешне так меняется, что друга не узнаешь, - с болью вспоминает Леонид Александрович, - озвереешь... Хочу, чтобы ни внуки, ни правнуки мои не встретили войны. Это ведь только вспомнишь когда, жуть берет до сих пор...”

ХОМУТОВА (ЛОШАДКИНА) МАРИЯ АНДРЕЕВНА

Родилась 12 января 1925 г. в многодетной семье, закончила 6 классов.

Когда началась война, Мария Андреевна устроилась на работу в одну из больниц города Ярославля, затем в госпиталь. При Доме Красной Армии общество Красного Креста организовало курсы медсестер. Мария Андреевна поступила туда и после их окончания в марте 1943 г. по распределению попала в Костромской передвижной сортировочный госпиталь №1901 (военная часть 96216), который формировался в городе Ярославле в здании Медицинского института.

«Для Отчизны дорогой...»

С ним Мария Андреевна прошла Минск, Вильнюс, Каунас, Гунбинен, Энстинбург (Восточная Пруссия), где и встретила Победу. Из города в город передвигались она на санитарных поездах. На месте выгружались в предоставляемое здание. Штат передвижного госпиталя был довольно большой (команда санитаров, хирургов, палатных медсестер). Основная задача: оказание первой неотложной помощи (перевязки, ампутация, срочные операции), отправка транспортабельных раненых на дальнейшее лечение в тыл санитарными поездами.

Обеспечение медицинских работников и раненых, по воспоминаниям Марии Андреевны, было хорошее. «Ели из одного котла и больные, и врачи. Разделения не было». Медсестры, молодые девчонки, были на казарменном положении, поэтому отлучаться из госпиталя не имели права. В любой момент они должны быть на посту.

Работали мы по сменам, но иной раз и сутки не спавши. Ко всему на войне привыкаешь: и к звукам бомбежки, и к страху, и к смерти. А со смертью приходилось сталкиваться часто. Особенно жалко было, когда умирали молодые… До сих пор помню одного тяжело раненного бойца, который любил петь:

В белом халате, забрызганном кровью,
Тихо сестра подошла
И увидала любимого брата,
И зарыдала сама.
Не надо, сестрица, не надо, родная,
Не надо горько рыдать
Нас еще много, целые роты,
И каждый готов умирать.

«Для Отчизны дорогой...»

Но мы не унывали – нужно было подбадривать раненых».

Удивительно, что ухаживая за больными Мария Андреевна сама за время войны ни разу не заболела. И уже в послевоенное время, работая в Вятской больнице, с больными сыпным тифом (в 1948 году была эпидемия) не заразилась, хотя специальных прививок в то время не было. «Господь хранил!» – объясняет Мария Андреевна спустя годы.

С теплотой вспоминает она своих подруг-костромичек Лиду Губанкову, Валю Полякову, Варю Осипову с Волгостроя, с кем ей пришлось делить и горе, и радость фронтовых будней.

Из военной части Мария Андреевна была демобилизована 10 сентября 1945 г. А вскоре и весь госпиталь был расформирован.

После демобилизации Мария Андреевна устраивается палатной сестрой в одной из больниц г. Ярославля, где в ноябре 1946 г. она и встретила своего будущего мужа Хомутова Леонида Александровича.

Он сразу выделил её среди медсестёр. «Любовь с первого взгляда», – как говорит сам Леонид Александрович. Внимание серьёзной медсестры он привлёк чтением стихов Некрасова и умением шутить в самых критических ситуациях.

С тех пор Леонид Александрович и Мария Андреевна не расстаются.

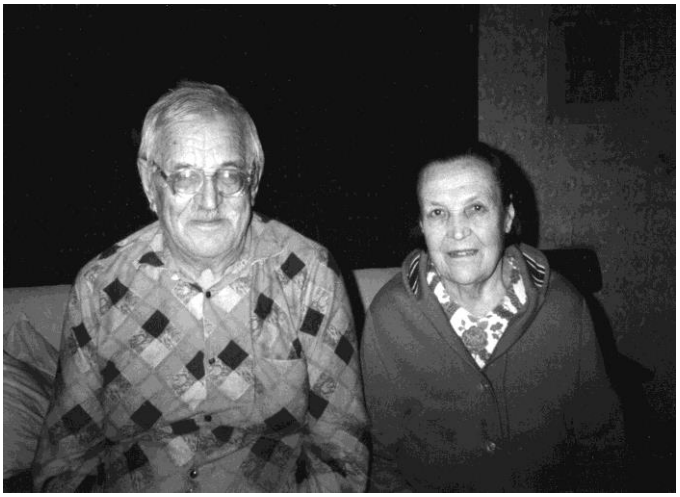
«Мария Андреевна обладала исключительной памятью, специально не обучаясь, принимала участие в сложнейших операциях. В ней пропал талантливый доктор. Если бы она училась… но помешала война», – считает Леонид Александрович. Это мнение небезосновательно. От природы обладая способностями к медицине, Мария Андреевна стала высококвалифицированным работником. Всего в медицине она проработала 51 год, из них 42 года в Вятской участковой больнице в должности старшей медицинской сестры (с 20 января 1948

«Для Отчизны дорогой...»

г.). Интересен тот факт, что при отсутствиии постоянных врачей в больнице выполняли все виды операций: кесарево сечение, удаление грыжи, аппендицита, кисты и др.

Специалисты доставлялись вертолетом из Ярославля со своим инструментом, а ассистировать приходилось Марии Андреевне. Так она стала еще и операционной сестрой. С появлением постоянного главного врача, хирурга Караваева Василия Арсентьевича, в Вятской больнице был развернут свой операционный блок.

Узнав об опытной медсестре, Администрация Центральной районной больницы пригласила Марию Андреевну переехать в Некрасовское. Она отказалась…

У жителей села Вятское Мария Андреевна Хомутова пользуется заслуженным уважением и непререкаемым авторитетом. До сих пор к ней обращаются за советом. В помощи никому не отказывает – не в ее это правилах. Таким и должен быть медицинский работник.

За самоотверженный труд и служение Родине во время Великой Отечественной войны медицинская сестра Мария Андреевна Хомутова (Лошадкина) награждена орденом Отечественной войны II степени, а также многочисленными юбилейными медалями.

«Для Отчизны дорогой...»

ЧУМАКОВ
КОНСТАНТИН АФАНАСЬЕВИЧ

Чумаков Константин Афанасьевич родился в 1918 г. в г. Кологрив Костромской области. В 1938 г. был призван в войска НКВД.

Константин Афанасьевич вспоминает: «Привезли нас вначале в Москву, а затем отправили в Белоруссию, 3 месяца учебы и новая дорога – в полковую школу

сержантского состава в г. Рославль Смоленской области. Через год учебы оставили Константина Афанасьевича в полку учить новое пополнение. В 1940 г. немного побыл в западных областях, затем добровольно отправился на Кавказ: турки перешли границу. Но местные силы их остановили, нас привезли в Баку, а затем в Тбилиси, где организовали 61 отдельную зенитно-ракетную роту, потом отправили на реку Куру мост охранять. Нас высадили на голом месте, говорят: «Вкапывайтесь, здесь вам жить». Начали учить нас воевать с самолетами, и так до начала войны».

А когда началась война, год пробыл на охране этого моста. После этого отправили на фронт. В Туапсе охраняли туннель, затем прошли походом по Юго-западному фронту. Участвовал в освобождении Северного Кавказа.

«Вышли затем на Румынию, Черновцы, здесь я друга потерял, похоронил. А затем

направились на Краков и далее по польской территории. Немцы летят – мы стреляем, тут уж говорить нечего. У нас рота была пулеметная, пробивная способность до 1 километра, свыше наши пушки бесполезны. Наше дело – сбить самолеты. Затем мы вышли на немецкую территорию, реку Одер, здесь и встретил Победу. Ранение было нетяжелое, две награды за то, что я Кавказ защищал и «За Победу над Германией»…

ЧУМАКОВА
ВАЛЕНТИНА НИКОЛАЕВНА

В ее юность безжалостно и жестоко ворвалась война. Жизнь только начиналась…

Теплое летнее воскресное утро не предвещало ничего необычного: все шло привычным порядком, в деревне встали по солнышку, по петушиному кукареканью, часы имелись только в одном доме, радио не было. Она проснулась переполненная радостных ощущений, ведь в этот воскресный день она получит аттестат зрелости и скажет детству: «Прощай!» Красивая и счастливая, отправилась она с одноклассниками в г. Шатунья (Горьковская область) на выпускной вечер. Пришли, и их молодым задорным взглядам предстала горестная картина: все плачут, война…Вечер не состоялся. Ребята сразу же направились в военкомат, а девчонки разошлись по домам.

«Для Отчизны дорогой...»

Валентина Николаевна вспоминает: «Прихожу домой, мама спрашивает: « Что случилось?» – отвечаю: «Война!». Так в деревню пришла эта трагическая весть. Все взрослое боеспособное мужское население было мобилизовано, в колхозе остались старики, инвалиды, женщины, дети да молоденькие девчонки…

Ах, война, что ты сделала подлая:
Стали тихими наши дворы,
Наши мальчики головы подняли –
Повзрослели они до поры,
На пороге они помаячили
И ушли за солдатом-солдат…
До свидания, мальчики!
Мальчики, постарайтесь вернуться назад…

(Б. Окуджава)

«Мы все упали духом, – говорит Валентина Николаевна. – «Председатель колхоза сказал: ”Девчонки, давайте организовывать батальон защиты в тылу”. И стал учить нас штыковому бою и маршу».

А потом она разделила судьбу сотен тысяч таких девчонок, на чьи неокрепшие плечи выпала тяжелая мужская работа: рыть окопы, пилить лес по семь кубометров на человека, таскать из Волги прибившиеся бревна, а еда – хлеб да вода. И бежали

девчонки от этой непосильной работы в родные края.

«Мы тоже с подружкой ушли, – говорит Валентина Николаевна. – «120 километров пешком протопали. Пришли голодные, грязные, в голове короста. Мама баню топить, косу обрезать. Это было 15 апреля, а 13 мая – повестка в военкомат. Уже через сутки отправили в Москву в Чернышевские казармы, ботинки дали 41 размера, волосы под мальчика подстригли. Идем – ботинки шлепают, и смех и грех!».

Качается рожь несжатая.
Шагают бойцы по ней.
Шагаем и мы, девчата,
Похожие на парней.

(Ю. Друнина)

А потом 8 месяцев в Московском фронте ПВО, где учили девчонок по приборам определять марку самолета, курс, азимут, высоту. Спали по 2 часа, ходили как тени. Затем был командный пункт дивизии. Валентина Николаевна вспоминает: «Идут бои, берешь катушку, зуммер, винтовку и когти и

отправляешься с таким снаряжением искать обрыв связи. Так проходил 1943 год. А еще мучила строевая подготовка. Легче стало весной 1945 года. Мы уже в художественной самодеятельности участвовали, нам

даже танцы организовывали». И, конечно же, навсегда запомнила Валентина Николаевна 9 мая 1945 года. Их подняли в 6 утра, построили и объявили: «Победа!» Все закричали: «Ура! Стали целоваться. Радости не было предела». 15 июня Валентина Николаевна была демобилизована, так закончилась война.

ЯРОСЛАВОВ
ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился 24 октября 1927 г. в деревне Ермаково. В семье Ярославовых было трое сыновей: Владимир, Евгений и Виктор. Двоим из них пришлось воевать, младший – Виктор, 1935 года рождения, был еще мальчишкой, и под призыв не попал.

Евгений Александрович окончил 5 классов (4 класса – Шиловской школы, и 1 год (5 класс) учился в Вятской средней школе). Он вспоминает:

«В Шиловской школе меня учила Королева Нина Павловна, а когда учился в Вятской школе, моим классным руководителем была Надежда Федоровна Юрьева. Народу в школе тогда было очень много: одних пятых классов три или четыре».

После окончания пяти классов Евгений Александрович устраивается на работу в колхоз, чтобы помогать матери.

«Мать моя, Александра Михайловна, работала на овчарне. Отца, Александра Яковлевича, в 1937 г. репрессировали по ложному доносу (6 лет лагерей). Вернулся он только в 1943. Худой был, одни мощи… А в начале 1944 его

призвали в армию. Прослужил он недолго, был не на фронте, а где-то на подсобных работах. Вернулся в 1943».

Самого Евгения Александровича призывают за неделю до 17-летия, 17 октября 1944 г., вскоре после отца (брат Владимир был призван почти годом ранее).

Евгений Александрович попал в военно-морской флот. «Два месяца я проходил в Ярославле Курс молодого краснофлотца, потом нас отправили в Ленинград (блокада была уже снята), там нас обмундировали. Как сына репрессированного меня вызывали на политкомиссию, расспрашивали, кто я, откуда, за что сидел отец. Из Ленинграда перебросили в Таллинн, где был пересылочный пункт. Далее – эшелоном в Германию. 12 суток нас везли товарным составом. Пути были перегружены, поэтому ехали долго. Когда проезжали Нарву, видели, что от всего города целым остался один дом. В Кёнигсберге – шли бои, мы думали – высадят здесь, но нас провезли дальше на Одер. По Германии нас везли на машинах. Территория была уже освобождена (после войны она отошла к Польше). На Одере формировалась военно-морская база Свиномюнде (ныне польский город Свиноуйсьце).

По пути к этой базе был город Кольберг (ныне польский город Колобжег), где Евгения Александровича оставили с его сослуживцем Владимиром Кандеусовым для заготовки провизии:

«Мы с Володей жили на окраине города. На маяке – четыре радиста (служба связи), они к нам часто приезжали на велосипедах, мы общались. Один раз приезжает парень в четыре часа утра, стучится и кричит: «Ребята, война кончилась!» (радисты узнали об этом из перехваченного радиопозывного). Ну мы обрадовались, взяли винтовки, пошли на улицу, стали в воздух стрелять. Это было 9 мая 1945 г.».

«Для Отчизны дорогой...»

В Свиномюнде Евгений Александрович служил в войсках гидрографии (военная часть 90/400). Если бы война продолжалась, эта часть использовалась бы в качестве манипуляторного отряда морского десанта. Задача такого отряда: найти и указать место наилучшее место для швартовки кораблей. На спине у десантников крепились специальные осветительные фонари, с помощью которых они подавали сигнал.

«Но в этом качестве мы уже не пригодились, поэтому попали в гидрографию».

База Свиномюнде находилась у самого выхода в Балтийское море. Евгений Александрович вспоминает:

«Я включал створные огни (если не включу, корабли в порт не войдут), открывал ворота. На базе было четыре лоцмана, которые заводили корабли с Балтики в Одер (эта река напоминает Волгу). С одной стороны был маяк высокий (15-20 метров), второй маяк стоял на моле и был намного ниже первого. С наступлением темноты мы зажигали оба маяка. У нас был специальный график. Один раз, это было осенью 1947 г., разыгрался шторм, берег, на котором стоял второй маяк, затопило водой. Дали нам машину, привезли на песчаный берег. Я и Борис Трухин должны были добраться до маяка и зажечь его, мы обвязались веревками, чтобы в море не стащило… Волны сильные были, вода холодная… Но с заданием справились. Осень, мы мокрые в часть приехали, нас поблагодарили: Борису десять суток штрафных работ отменили, а мне – денежную премию дали».

Чуть ранее в немецком городе Ростоке в 1946 г. Англия, США, Франция и СССР делили трофейный немецкий флот. Корабли проходили мимо острова Хиддензе, им необходимо было обеспечить ориентиры. На Хиддензе Евгению Александровичу довелось служить в течение 4-х месяцев.

«Нас высадили двоих – меня и радиста Сергея Ракова. Остров был небольшой (11 километров в длину и примерно 1 километр в ширину). На острове

было четыре деревни. Работали гражданские немцы, мы только контролировали. У нас была радиостанция, два раза в сутки мы выходили на связь с базой. С наступлением темноты зажигали световой маяк, во время тумана включали специальную сирену, а радиомаяк работал постоянно. Раз в месяц с базы на корабле нам доставляли сухой паёк. Я не герой, немца штыком не колол, но с гражданскими немцами общался по-человечески: они нас не обижали – мы их тоже. Жили на квартире, хозяйка-немка нам готовила пищу, баню топила. С «владельцем» острова, немцем Бауэром мы были тоже в хороших отношениях, отказа ни в чем не получали. Через четыре месяца нас с точки сняли, мы снова вернулись на базу. Здесь я прослужил в звании старшины II-й статьи до 1950 г. А друг мой, Борис Павлович Трухин (мы с ним с самого Ярославля вместе), демобилизовался чуть позже».

После демобилизации Евгений Александрович вернулся в Ермаково, до пенсии проработал в колхозе. Как участник Великой Отечественной войны Евгений Александрович награжден орденом Отечественной войны II-й степени и многочисленными юбилейными наградами.